
Р. И. ЯКУПОВ

СОЦИОЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ: НАУКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Автор обращается к истории формирования научного направления социоестественной истории, возникшего на стыке гуманитарных и естественных наук в результате целенаправленных усилий творческого союза единомышленников, организуемого и направляемого автором идеи СЕИ Э. С. Кульпиным-Губайдуллиным. Актуальность научного направления СЕИ обусловлена ее направленностью на изучение общества в тесной и неразрывной связи с природой. Критический анализ понятийного аппарата СЕИ и ее философско-методологического инструментария выводит на дискуссионную тему «различия типов мышления» у представителей гуманитарных и естественных наук. Соответственно в статье затрагиваются теоретико-методологические проблемы развития этого научного направления, а также акцентируется внимание на особенностях подхода СЕИ к своему предмету в отличие от других смежных научных дисциплин, таких, например, как этноэкология, ее интерес к изучению психологии и ментальности больших социальных групп. Фундаментальным выводом статьи является то, что, в отличие от этноэкологии, СЕИ ориентируется на исследование взаимосвязей с природой не только отдельных сообществ (например, этносов), а человеческого общества в целом, во всем многообразии проявления его жизнедеятельности и, стало быть, с использованием всего дисциплинарного многообразия подходов к его изучению. Это обстоятельство открывает перед СЕИ новые исследовательские горизонты в направлении прогнозирования глобального исторического развития, широкого междисциплинарного синтеза и теоретико-методологического обеспечения экологической проблематики.

Ключевые слова: *социоестественная история, Институт востоковедения РАН, журнал «История и современность», ментальность, история науки, этноэкология.*

Социоестественная история была впервые широко анонсирована в начале 1990-х гг. Мы в Уфе, в частности, ознакомились с императивами научного направления социоестественной истории

История и современность, № 2, сентябрь 2016 8–20

(СЕИ) прежде всего из собственных информационных ресурсов данного научного направления, в том числе из официальной рассылки об организации конференции по СЕИ в Крыму в 1993 г. с непривычно подробной аннотацией целей и задач. Теперь, спустя время, понятно, зачем нужны были эти подробности.

По существу, это была не столько аннотация конференции, сколько презентация самого научного направления. Но именно такой нестандартный подход имел большой резонанс в то необычное время. Тогда, в начале 1990-х гг., в раннем постсоветском пространстве всякое нестандартное явление и всякая новая тенденция в развитии гуманитарных наук (впрочем, и в других областях общественной жизни) воспринимались как нечто экстраординарное и ни на что не похожее, были для нас глотком «свежего воздуха перемен».

Так или иначе, социоестественная история в начале 1990-х гг. быстро нашла свою профессиональную исследовательскую и заинтересованную любительскую (читающую) аудиторию, а благодаря организационному таланту автора идеи СЕИ как «нового научного направления на стыке гуманитарных и естественных наук» Э. С. Кульпина-Губайдуллина сформировала основной костяк творческого союза единомышленников. Это позволило уже вскоре создать Научный совет СЕИ и начать под эгидой ИВ РАН издания одноименной «серии», а впоследствии и отдельного журнала «История и современность», где главным редактором стал сам Эдуард Сальманович. С тех пор прошло уже четверть века. Немало с точки зрения жизни одного человека. Но для истории и истории науки можно сказать – мгновение.

Хотя необходимо еще отметить, что настойчивость и последовательность, с которой Э. С. Кульпин и его ближайшие соратники выстраивали стратегию развития СЕИ и публикацию результатов деятельности исследователей в этом направлении, включая монографии и сборники ежегодных конференций, может и вызвать удивление, и удостоиться похвал. Пожалуй, такой последовательности и плановости, особенно если учитывать, что это направление фактически всегда развивалось на добровольной (небюджетной) основе, могут позавидовать целые НИИ. Фактически у направления СЕИ (насколько нам известно) никогда не было даже единой резиденции (офиса), и «творческий отряд» СЕИ, и ее Научный совет,

действуя обычно в режиме виртуального общения, раз в год соби­рался вместе на конференции в Крыму для обмена информацией и итогами своей деятельности в течение прошедшего периода. Этот факт говорит о многом, в частности о вероятной жизнеспособности и актуальности СЕИ для развития современной науки.

Теперь настало время затронуть причины и научно-методоло­гические основания такой жизнеспособности. Единственным до­полнением ко всему вышесказанному будет то, что все это хорошо известно тому творческому союзу, который удалось сформировать Эдуарду Сальмановичу из нескольких десятков ученых, представ­ляющих зарубежье, разные регионы России, различные научные институты и разные науки (и специализации) – гуманитарные, естественные и даже точные. И это последнее обстоятельство име­ет значение, потому что восприятие многих парадигм СЕИ в гума­нитарных и естественных науках (а тем более в точных) очевидно неодинаково. Это, как нам кажется, еще предстоит осмыслить.

В целом идеи СЕИ для гуманитарной сферы не так уж новы и не абсолютно оригинальны. Если вникнуть в суть декларации СЕИ как направления науки, опираясь на обобщающую работу Э. С. Кульпина «Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике» (Кульпин-Губайдуллин 2014), предложен­ную организаторами данной дискуссии в качестве главного объекта анализа, то она включает в себя элементы многих ранее известных идей и императивов.

В частности, в историологии идеи ландшафтно-социальных де­терминант существуют довольно давно¹. Они возникли еще в ан­тичную эпоху, когда такие авторитеты и «великие посвященные», как Гиппократ, Геродот, Страбон (Гиппократ 1936; Геродот 1972; Страбон 1994), указывали на влияние климата и ландшафта на своеобразие, «психологию», культуру народов. Взаимосвязи обще­ства с природой, климатом отмечены в трудах арабских и персид­ских авторов периода расцвета Арабского халифата. Это труды Аль-Масуди (Абу-л-Хасан `Али ибн ал-Хусайн ибн `Али ал-Мас`уди 2002) или Аль-Идриси (цит. по: Бейлис 1984: 208–228; см. также: Коновалова 2006) с их делением земли и цивилизованного мира на

---

¹ Об этом говорил и сам Э. С. Кульпин, опираясь, правда, только на европейскую и в основном на естественно-научную традицию. См.: Кульпин-Губайдуллин 2014: 64–65.

народы, обитающие в семи климатических зонах. Это, несомненно, трактаты Ибн Сины (Авиценны) (Абу Али Ибн Сина 1981). Это, видимо, также размышления Аль-Фараби и Ибн-Хальдуна (1961).

В России² о значении природной среды, «определяющей характер народа», или о факторном влиянии ландшафтов и климата на формирование типа государственности говорили многие «дореволюционные» историки (см.: Соловьев 1993; Ключевский 1987; Милуков 1898; Любавский 1996; 2000). Гораздо позже и на существенно иных методологических основаниях эти воздействия изучались Л. В. Миловым (1998) и Н. Н. Крадиным (1992; 2001). Прямые и тесные взаимосвязи культурных и природных феноменов аксиоматичны для этнологов (см., например: Широкогоров 1923; Гумилев 1968). Последние были яркими носителями популяционного представления об этносе. Понятно, что любая популяция рассматривается как часть биоценоза. В поздней советской этнографии сформировалось новое направление исследований, названное этноэкологией. Главным ее теоретиком был В. И. Козлов (1994).

Автор этой статьи также имел опыт погружения в этноэкологическую проблематику в ходе выполнения ряда научных, в том числе международных, проектов (Якупов 1999а). Собственно, на этом и основывался в начале 1990-х гг. наш интерес к направлению СЕИ, работам Э. С. Кульпина и его соратников, стремление к развитию личных контактов с исследователями СЕИ и дальнейшему сотрудничеству (Он же 1999б; 2000), вылившемуся в наши попытки непременно обосновать сопряженность целей СЕИ и этноэкологии.

Здесь мы коснемся главного вопроса – о целях и задачах СЕИ, которые Э. С. Кульпин формулировал как *необходимость изучения общества в тесной неразрывной связи с природой* – ключевой фактор общественного исторического развития. Это первый и наиболее важный тезис в плане актуализации СЕИ.

Но дело в том, что Э. С. Кульпин, насколько это можно проследить в его работах, никогда не сводил задачи СЕИ только лишь

---

² Мы сознательно пропускаем здесь известные доктрины европейских ученых Ш. Монтескье, Ф. Бекона, Ф. Ратцеля именно в силу их хрестоматийности. Кроме того, их имена в качестве примера наряду с другими перечисляет в своей работе и Э. С. Кульпин (Кульпин-Губайдуллин 2014: 64–65).

к признанию влияния природы, в частности ландшафта и климата, на человеческую историю и культуру. Даже в этом влиянии он скорее готов выделять в качестве основного объекта внимания СЕИ *ментальность* – «представления о мире и о себе». А это уже особый феномен. Об этом мы еще поговорим ниже, но пока предварительно отметим, что при изучении ментальности человека и общества обойтись данными только историологии, социологии и этнологии не удастся. Ментальность – сфера больше психологическая, чем культурно-историческая, хотя и формируется под воздействием совокупности факторов, в том числе социальных, экономических, культурных, физиологических и биологических. И все же в данном случае важно, что сама психология, согласно классификации, находится в системе естественных наук. Вот здесь мы и подходим к главному.

Вторым основополагающим тезисом в процессе актуализации СЕИ в качестве нового научного направления было подчеркнутое позиционирование ее в качестве «*научной дисциплины, формирующейся на стыке гуманитарных и естественных наук*». И трудно сказать, что было для автора идеи важнее: изучать взаимодействия социума и природы или найти именно точку соединения этих наук, точнее их методов в исследовании и понимании общества. Во всяком случае, в обсуждаемой обобщающей работе Э. С. Кульпина вопросу о разности мышления «гуманитариев и естественников» уделено довольно много внимания, можно сказать, целая глава (Кульпин-Губайдуллин 2014: 8–34). Это дает нам основание утверждать, что для Кульпина второй тезис является важнейшим.

Подтверждением тому может стать следующее его замечание: «Прежде чем перейти к самому предмету, необходимо дать представление о понятиях, используемых в социоестественной истории, а это в основном понятия, принятые в естественных науках, и практически не используемые в гуманитарных. Эти понятия во многом определяют разницу двух культур (здесь мы все же взяли бы термин «культура» в кавычки. – *Р. Я.*), существующих ныне: культуры ученых гуманитарных и культуры ученых естественных наук. Иными словами, речь идет о глубоких различиях, обусловивших у отдельных выдающихся представителей двух культур разный тип мышления, который, разумеется, не находит своего выражения

в обыденной жизни, но проявляется в научном анализе» (Кульпин-Губайдуллин 2014: 8).

Вот в чем дело. Э. С. Кульпин видит или чувствует разницу в восприятии мира представителями разных направлений научного знания. При этом он мыслит понятийный аппарат СЕИ как опирающийся «в основном» на категории, «принятые в естественных науках». Это серьезное заявление, определяющее приоритет в формировании объектно-предметных и понятийных вопросов нового направления, возникающего на стыке наук. А приоритет явно на стороне естественных наук. Как говорится, уже есть хороший повод для отдельной дискуссии и для дальнейших изысканий в сфере СЕИ в части ее внутреннего самоанализа.

В-третьих (о тезисах): возможно, кто-то и не придает этому значения, но Э. С. Кульпин употребляет совершенно нестандартную или, точнее сказать, нетипичную формулировку в отношении понятийного аппарата и философско-методологического базиса («разный тип мышления у представителей») гуманитарных и естественных наук. Попутно заметим: и здесь имеет место выделение ментальности, теперь уже касательно субъектов познания – сообщества ученых, в особую зону анализа. Но важно еще и другое: он называет эти «типы мышления» ни много ни мало «культурами».

Это может быть воспринято с относительной и привычной в сегодняшней науке легкостью, которая, как говорится, не «зацикливается на деталях». Но, думается, Э. С. Кульпин отлично понимал, о чем говорил, и придавал особое значение той разнице в восприятии исследовательских объектов, которая, по его мнению, бытует в гуманитарных и естественных науках. И, если вдуматься, это довольно серьезное заявление, требующее также отдельного обсуждения. Вот и второй повод к дискуссии.

Найдется и третий повод. В альянсе гуманитарных и естественных наук в рамках СЕИ, во всяком случае, в формулировке самого Эдуарда Сальмановича, эти науки венчаются «неравным браком». Мы уже коснулись этой темы в связи с формированием понятийного аппарата СЕИ. Теперь же речь идет уже о методе. Вновь цитируем: «Начнем с некоторых положений, определяющих культуру естественников. Почему я обращаюсь сначала к естественникам? Потому, что взаимопроницаемость культур различна, и более открыта культура гуманитариев. Гуманитарий не может понять суть

и методы, а зачастую и всю систему мировоззрения естественников, в то время как естественник, хоть и не очень хорошо, не всегда полностью и правильно, все-таки способен понять гуманитария» (Кульпин-Губайдуллин 2014: 9)³. Симпатии Э. С. Кульпина явно на стороне естественников. И нам (гуманитариям) трудно согласиться с этим. В особенности с такой вот формулировкой: «Для гуманитария факт – объект почитания и полного доверия. Естественник же доверяет только тем фактам, которые согласуются между собой», и т. п. (Там же: 10).

Разумеется, Э. С. Кульпин во многом прав. В частности, в том, что восприятие мира и событийности у гуманитариев особенное, во всяком случае, не исключено, что оно существенно отличается от естественно-научного. Но это не есть свидетельство преимущества или превосходства естественного метода над гуманитарным. Дело скорее в том, что в цехе гуманитариев попросту больше дилетантизма и конъюнктуры. Это очевидно и, кстати, пагубно влияет на развитие гуманитарных наук. Но существование дилетантизма – слишком сомнительный повод для экстраполяции его на всю «культуру» научного мышления «гуманитариев».

Отношение к гуманитарным наукам как к «легкой сфере» и постижения (освоения наук), и проникновения в нее, или использование гуманитарных наук в качестве легкого объекта карьерного роста и, как следствие, снижение качественного состава гуманитарного научного сообщества – все это действительно имеет место. Но это не закономерность. Не суть. А суть в том, что общенаучные методы познания и критерии оценки качества научного анализа, постижения истины никто не отменял. Не откроем Америки, если скажем, что лучшие представители гуманитарных наук ведут непримиримую борьбу за это качество и активно противодействуют всем попыткам его снижения или нарушения регламентов и конвенций, зачастую страдая за это и сознательно лишая себя различных преференций от общества и «властей предрержащих».

---

³ Отвлечись на минуточку от чисто науковедческого анализа и обратившись к эмоциям, мы живо представляем себе, какая замечательная полемика могла бы возникнуть между нами, будь она очной. Такие дискуссии бывали. И они были интересными, живыми и творческими. Но теперь, к сожалению, это уже опосредованный разговор и анализ. Да и цель его уже не та – более прозаическая, что ли?

Именно общенаучные методы и критерии должны удерживать науки в едином поле или создавать равные условия для исследований на стыке. Хотя в признании существования «разных типов мышления» и мировосприятия – гуманитарного и естественнонаучного – что-то есть. И это требует особого отдельного анализа и обсуждения, вновь давая нам повод для дискуссий.

Пожалуй, в этой точке можно приостановить анализ круга вопросов, которые находятся буквально на поверхности и связаны с проблемами внутренней логики развития науки, в данном случае СЕИ. Такой самоанализ необходим любой научной отрасли, и он, хотя и стихийно, время от времени происходит. Впрочем, стихийность присуща процессу познания в целом, в особенности в прошлом. А если все же иметь в виду, что в условиях глобального общества наука становится ресурсом и определяющим – факторным явлением, то такой самоанализ, такая рефлексия будет, видимо, становиться плановым и обязательным действием. Так что СЕИ есть чем заняться и в этой сфере.

Теперь кратко хотелось бы коснуться актуальности СЕИ вовне, то есть относительно объекта познания. Согласно объявленным установкам, таковым объектом является природа и действующий в ней субъект – «человек – общество».

Мы уже отметили, что идея их взаимосвязи не нова. Так что же выделяет СЕИ из существующей системы наук? Э. С. Кульпин отвечает на этот вопрос так: «Понять законы существования этого объекта не дано нам снаружи, извне его, но изнутри. Внутри этого целого существуют части, как внутри человека органы его тела. Как может один орган понять смысл существования других и целого организма? Только таким образом, какой ему доступен. А доступно ему видеть внутренние взаимосвязи, взаимосвязи между разными органами. Поэтому он может и должен осмыслить то, что доступно, а именно: взаимодействие, рефлексия. Отсюда предметом социоестественных исследований являются взаимосвязи, взаимозависимости, взаимовлияния процессов, явлений и событий в жизни общества и природы» (Кульпин-Губайдуллин 2014: 7).

Таким образом, объектом внимания становятся не просто общество и не просто природа, а их неразрывность, взаимовлияние, принятое как аксиома. Исторический процесс здесь оказывается не только историей действующего субъекта – общества, но и историей

природы, изменяющейся, изменяемой, но главное, непрерывно влияющей на ход социальной истории.

Полагаем, что, во-первых, выделение проблемы *постоянной взаимозависимости общества от природы* в качестве специального объекта анализа действительно интересно и актуально всегда. Прав Э. С. Кульпин, когда говорит, что в историологическом дискурсе ученые-историки дальше признания влияния природы на типы культур, психологию народов или особенности государственного устройства, как правило, не идут. Да, такая связь есть. Она установлена, но констатацией этого факта исследовательское движение ограничивается. А то, например, что главной причиной многовековой экспансии кочевников на запад в строго определенный период исторического времени (в раннем Средневековье) были не геополитические идеи и жажда завоеваний, а, по всей видимости, одномоментная степная засуха, – это порой даже не принимается во внимание. Эта исторического значения засуха и дала импульс первой миграции, а она силой инерции повлекла за собой все новые и новые миграционные волны. Историки же увлечены биографическими подробностями, событийной фактологией, социальными процессами, культурологическим анализом.

И именно против такого подхода выступает Э. С. Кульпин, противопоставляя «культуру» научного анализа гуманитариев «культуре» естественников. То есть речь идет фактически об осмыслении объективных природных обстоятельств, оказывающих непосредственное влияние на ход человеческой истории и, наоборот, на обратное влияние человека на природу. Жаль только, что Э. С. Кульпин несколько абсолютизирует тенденции, и многие отмечаемые им недостатки гуманитарных подходов – это, конечно, только тенденции. Не все гуманитарии мыслят одинаково, точнее сказать, «гуманитарий гуманитарно рознь»⁴.

Однако, возвращаясь к целям СЕИ в этой части, можно констатировать, что они действительно актуальны и объект исследований

---

⁴ Еще более упрощая эту формулу, следует попросту признать, что в сфере гуманитарных наук в силу вышеназванных причин слишком много непрофессиональных работ, которые иногда даже бывают популярными, привлекают внимание, но с научной точки зрения (прежде всего в среде действительных профессионалов-гуманитариев) они не выдерживают никакой критики. Но, парадокс, такие работы легко воспринимаются «естественниками». Это и усиливает иллюзию не просто бытования, а примордиальности облегченного мировосприятия в гуманитарных науках.

вполне зрим. Попутно Э. С. Кульпин предлагает вернуться к ранее накопленным и «рассеянным» материалам, характеризующим неразрывную связь человеческой истории с природой, с целью консолидации и теоретического переосмысления этих материалов (из разных наук). В этом есть значительное рациональное зерно. Многие научные направления сегодня страдают от того, что их информационная база «рассеяна», и приходится затрачивать значительные усилия для ее консолидации. В любом случае в науке обобщения, – как теоретические, так и ресурсные (в историологии – историковедческие) – всегда полезны.

Скажем, кстати, и о вышеупомянутом стремлении показать единство целей СЕИ и этноэкологии (см. подробнее: Якупов 1999в). Такое единство, конечно, есть, так же как и в целом очевидна тривиальность тезиса о взаимосвязи общества и природы. Но, в сущности, с высоты теперешнего опыта мы можем утверждать, что в двуедином объекте (природа и общество) этих научных направлений один из элементов все же отличается. Для СЕИ – это *общество в целом*, а для этноэкологии – *только его часть (этнос)*. И хотя, как озаглавили в свое время Ю. В. Бромлей с соавтором свою книгу, «Человечество – это народы» (Бромлей, Подольный 1990), этнология (и соответственно, этноэкология) все же изучает их отдельно и как самостоятельные исторические общности. Этот предмет заложен в самой сущности этноса, являющегося (кроме прочего) реализованной культурной антитезой «мы – они».

Значит, есть объект у СЕИ. В вопросе будущности и жизнеспособности любой научной отрасли или направления это главное. Значит, тема СЕИ еще не закрыта.

Более того, важно понимать, что в условиях глобализации не просто сложившейся, но усиливающейся в прогрессии, проблемы СЕИ начинают обретать особый смысл. Например, можно уже сейчас говорить об острой необходимости развития внутри СЕИ футурологического направления. Прогнозирование кризисных ситуаций, противоречий, тем более потенциальных катастрофических опасностей, связанных как с техногенным воздействием, так и с результатом объективных «тектонических» перемен, становится для современного общества первостепенной задачей. Вот почему мы называем науку ресурсом, производительной силой. Ее факторное влияние на общество претендует даже стать главным.

Итак, ответ на вопрос о перспективе развития СЕИ безусловно положительный. Конечно, многое будет зависеть от того, насколько сложившаяся уже ассоциация ученых, ведущих исследования в рамках направления СЕИ, будет прочной. СЕИ в данном случае выступает в качестве консолидирующей дисциплины, концентрирующей внимание исследователей на проблеме взаимодействия «человека творящего» (термин наш. – *Р. Я.*) и природы. Напомним еще и о тех дискуссионных вопросах внутреннего развития научной дисциплины СЕИ, которые мы обозначили выше. К их числу и относится тема именно неформальной ассоциации ученого сообщества вокруг определенных исследовательских проблем.

Пожалуй, в завершение хотелось бы добавить, что жизнеспособность и актуальность СЕИ покажет время. Теперь, когда автора и главного идеолога СЕИ уже нет, многое субъективно будет зависеть от прочности достигнутых открытий. Нам ясно одно: даже если в дальнейшем для планового развития исследований в рамках СЕИ не хватит организационного ресурса и энтузиазма, посеянные его основателем зерна будут все равно спорадически всходить и создавать свои анклавы большего или меньшего «урожая». Если же активно будет развиваться еще и теория СЕИ, то позиции ее в системе наук постепенно станут существенно более прочными. В этой связи имеет смысл подумать над тем, чтобы придать изданию «История и современность» роль рупора, транслятора идей СЕИ или усилить эту роль, так как пока у журнала нет явственной и однозначной связи с социоестественной историей. Это можно сделать двумя способами (мы говорим пока только о формальной стороне вопроса): либо введением специальной и неизменной рубрики СЕИ, либо переименованием журнала. Но еще лучше, конечно, организовать выпуск отдельного периодического издания, журнала или альманаха «Социоестественная история».

Литература

Абу-л-Хасан `Али ибн ал-Хусайн ибн `Али ал-Мас`уди. 2002. *Золотые копи и россыпи самоцветов* [История Аббасидской династии: 749–947 гг.]. М.: Наталис.

Абу Али ибн Сина (Авиценна). 1981. *Канон врачебной науки*. Ташкент: ФАН Узбекской ССР.

Бейлис, В. М. 1984. Ал-Идриси (XII век) о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель. *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 год*. М.: Наука.

Бромлей, Ю. В., Подольный, Р. Г. 1990. *Человечество – это народы*. М.: Мысль.

Геродот. 1972. *История*. Л.: Наука.

Гиппократ. 1936. *Избранные книги*. М.; Л.: Гос. изд-во биологической и медицинской лит-ры.

Гумилев, Л. Н. 1968. Этнос и ландшафт. Доложено на заседании Отделения этнографии 17 февраля 1966 г. *Доклады Географического общества СССР* 3: 193–202.

Ибн-Хальдун. 1961. Мукаддима. Введение (фрагменты). *Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX–XIV вв.* (с. 559–628). М.: Соцэкгиз; ИФ АН СССР.

Ключевский, В. О. 1987. *Соч.*: в 9 т. Т. I. *Курс русской истории*. Ч. I. М.: Мысль.

Козлов, В. И. 1994. *Этническая экология: Становление дисциплины и история проблем*. М.: ИЭА РАН.

Коновалова, И. Г. 2006. *Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий*. М.: Вост. лит-ра.

Крадин, Н. Н.

1992. *Кочевые общества (проблемы формационной характеристики)*. Владивосток: Дальнаука.

2001. *Политическая антропология: уч. пособ.* М.: Ладомир, 2001.

Кульпин-Губайдуллин, Э. С. 2014. *Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике*. Волгоград: Учитель. URL: <http://www.kulpin.ru/?p=936>.

Любавский, М. К.

1996. *Обзор истории русской колонизации*. М.: Изд-во МГУ.

2000. *Историческая география России в связи с колонизацией*. СПб.: Лань.

Милов, Л. В. 1998. *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*. М.: РОССПЭН.

Милоков, П. Н. 1898. *Очерки по истории русской культуры*. Ч. 1. *Население, экономический, государственный и сословный строй*. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во редакции журнала «Мир Божий» (Тип. И. Н. Скороходова).

Соловьев, С. М. 1993. *История России с древнейших времен*. Т. 1. М.: Голос.

Страбон. 1994. *География*. М.: Ладомир.

Широкогоров, С. М. 1923. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. *Известия Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета XVIII* (1). Шанхай.

Якупов, Р. И.

1999а. Этнос и вмещающий ландшафт: развитие кризиса. *Мировое общество 4–5*: 50–56.

1999б. Экологический симбиоз: человек, природа, культура. *Пусковые механизмы долговременных процессов в природе и обществе. Тезисы докладов VIII научной конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории»* (с. 34–36). М.: Московский лицей.

1999в. Этноэкология и ее прикладное значение. Вместо предисловия. В: Якупов, Р. И. (отв. ред.), *Этносы и природа: проблемы этноэкологии* (с. 4–20). Уфа: Гилем.

2000. Башкортостан, II тысячелетие н. э.: адаптация этноса в условиях кризиса природы и общества. *Социоестественная история XX* (с. 195–197). М.: ИВ РАН.